ПОЭТОГРАД

№ 23 (228)
Июнь
2016

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Поэзия
Лады Баламут

Проза
Леонида Скляднева

Эссе
Александра Карпенко

Фрагменты
Гераклита Эфесского

Выдающийся поэт России
Елена Филиппова

Собрание
Союза писателей XXI века

Заметки о поэзии

Презентация книги
Кати Рубиной

Пьедестал
Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ЕЛЕНА ФИЛИППОВА

* * *

как ненадежной щепкой
тем ненадежным шлюпом
по волнам как по веткам
фракийский парус хлюпал

искатель черных мидий
ловец бесплотных тварей
что видел ты овидий
зрачок прищурив карий

вдали где после бури
втекало в море русло
вода как рыбья шкура
отсвечивала тускло

и пыль ложась на щеки
дарила привкус глины
бобов и маниоки
вина и парусины

провинция убога
и скучен быт колоний
возвышенному слогу
нет воздуха в полоне

но свет проходит бритвой
по синеве запястий
как голос перед битвой
тяжелый полный власти

(Стихотворение с портала www.futurum-art.ru)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

СОБРАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Новый вечер Гостиной Союза писателей XXI века в ЦДЛ начался с отчетно-выборного собрания.

«*Наша организация зарегистрирована в Министерстве юстиции в числе пяти союзов писателей. Она небольшая, в ней всего триста с лишним человек, но мы не особенно стремимся расширять ее. Лучше меньше, да лучше. Она активно интегрируется в литературный процесс и набирает обороты,* – сказал Президент СП XXI века **Евгений Степанов.** – *Мы выпускаем журналы "Дети Ра", "Зинзивер", "Зарубежные записки", "Футурум АРТ", газеты "Литературные известия", "Поэтоград", тиражи которых растут, сотрудничаем с Министерством иностранных дел, печатаем в газете "Наша Смоленка" стихи дипломатов, например,* **Анатолия Пшеничного, Владимира Масалова, Владимира Казимирова**, *министра иностранных дел* **Сергея Лаврова,** *издаем книги в своем издательстве "Вест-Консалтинг", публикуем рецензии на них, реализовываем разные творческие проекты. У нас есть свой телеканал "Диалог". Появились свои Литературные курсы при Детской школе искусств им. Ю. С. Саульского...».*

Присутствующие признали работу СП хорошей и единогласно проголосовали за существующий руководящий состав, за учредителей **Игоря Харичева и Арсена Мелитоняна**, а также за Президента СП **Евгения Степанова** и Первого секретаря **Нину Краснову**. Затем участники вечера выступили со своими произведениями.

Гостья из Лондона **Лидия Григорьева** презентовала свою новую книгу «Стихи для чтения в метро», свой *«поток сознания, облеченный в четыре строки»*, свои четверостишия, которые по форме напоминают восточную поэзию и русскую частушку. Гостья из Италии **Эвелина Шац** привезла с собой свою новую книгу «Alla pasticceria del pesce» и прочитала отрывки оттуда: *«Я не одесситка... / Я не москвичка... / Я не миланка..»*. Гостья из Америки **Ирена Санс** приехала на вечер, чтобы сказать, что *«...погруженье так красиво / В пространство Вечности»*. **Катя Рубина** прочитала свои «Фейсбучные байки», **Любовь Щербинина** – стихи из «Литературных известий»: *«Смерть рядом с жизнью ходит...»*, выпускница филфака МГУ Полина Скляднева заворожила зал магией своих стихов *«На Китай-город налетают голуби...», «Что нового в Элладе?.. / Ветренно на греческом берегу...»*. **Елена Ткачевская**, которая ценит *«в стихах звукопись»*, вынесла на суд свои стихи с *«шуршанием шин»*, **Андрей Патаракин** – миниатюры о «*трех осях координат*», а **Галина Богапеко** – экспериментальные длиннострока о *«ключах от дачи»* и о *«ключах от галереи картинной»* и о *«классиках»*, которых сдают *«в макулатуру»*. **Гоар Рштуни** продекламировала стихи о *«детстве»*, которое у нее *«перед глазами»*, **Роберт Кесслер** – стихи, посвященные любимой женщине: *«Ты – мое солнце, Божья Матерь»*, а **Ирина Голубева** – стихи о своем любимом мужчине: *«Обретаю тебя, как "Весну" обретает Роден»*. **Борис Якубович** представил аудитории свою статью о Шекспире, о котором Марк Твен говорил, что он *«самый великий из всех личностей, никогда не существовавших на свете»*. **Юрий Хрычёв** вынес на суд слушателей статью о сонете как *«высшей форме организации поэзии»*. А член Московского общества греков **Сергей Тарасов** порадовал всех своей первой книгой стихов «Вдохновение» и стихами из нее, посвященными своей греческой Музе: *«Ты вдохновение прекрасное мое... Ты сама Киприда...»*. **Владимир Делба** обратил внимание коллег на *«Бутылки мутное стекло»* в своих стихах. **Александр Карпенко** – на Ярило, который *«ярится»*. А **Нина Краснова** вызвала оживление в зале стихами *«Любовь без секса я могу себе представить, / Но секса без любви представить не могу»*. Выступили также **Роберт Кесслер, Людмила Саницкая, Евгения Джен Баранова, Любовь Соломон, Виктор Хатеновский, Юрий Арго, Ольга Ильницкая, Марианна Рейбо, Михаил Николаев, Наталия Никифорова, Арсен Мелатанян**. При этом все старались соблюдать регламент.

Леонид Резник спел свои песни *«Для тебя готов писать я песни... Мне сегодня совершенно ясно, / Что в тебя безумно я влюблен», «А я, лишенный дара речи, / Смотрю, смотрю в твои глаза», «Мне снился сон... / Ты в белом платье у окна»*.

Гостья из Эстонии **Рээт Куду** обошлась всего несколькими словами приветствия Союзу писателей XXI века, не желая злоупотреблять гостеприимством зала: *«Мне нравится атмосфера вечера. Я вижу, что здесь все такие же гениальные, как я. Здесь все – одна семья»*.

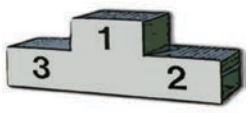
Закончился этот литературный праздник ужином в «Кофе Хауз» на «Баррикадной».

Николай ФОНАРЁВ

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» – лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета – книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



«Морешествие. Бортовой журнал яхты "Валери"»
Екатеринбург: Ridero, 2015

Николай Новиков
«Вновь он посетил...»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016

Юрий Михайличенко
«Горб»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016

ЛАДА БАЛАМУТ
ГУЛ НОЧНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕК

ВЕНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Вспомнилось: в Вене играл орган,
Под моросящим дождем – экипажи...
Я забывала тебя по слогам
И приучала себя к пропаже.
Да и пропажа ли? – Как терять
То, что коснулось едва туманом...
Не вспоминать!.. Вспоминать, вспоминать...
Дождь. Экипажи. Собор с органом.

* * *

Все бессмысленно: праздники, будни,
Важных дел круговерть, суета,
Нас не станет, и быстро забудут
Про сугроб и цветы у креста...
Поворчат, разбирая бумаги
И архивы устав потрошить,
Все схоронят в ближайшем овраге
И продолжат бессмысленно жить
В череде из долгов и привычек
Чьих-то скомканных судеб и лиц...
...Ряд берез. Гул ночных электричек.
Носит ветер обрывки страниц
По оврагу за дальним погостом.
Так бессмысленно. Горько. И просто...

ИСКУССТВО КРОЙКИ И ШИТЬЯ

Придется научиться шить...
Кроить привычки и устои
И штопать то, что очень стоит
Хотя б на память сохранить.
Придется научиться шить,
Стежком дождей, косым и плотным,
Из тряпочек рождать полотна,
Цветами нитей ворожить.
Придется научиться шить,
Распутывать мотки сомнений,
Выбрасывать без сожалений
Все, что не сможет послужить...
Придется научиться жить,
С душой в заплатках неуклюжих,
Стать мягкой, как медведь из плюша,
Чтоб тихо сон твой сторожить...

* * *

...Дом родителей, тесный от мебели,
Безделушек, сервизов и книг...
Где бы после не жили мы, не были,
Здесь – питающий корни родник.
Эти трещины, сколы, потертости
На орехе и старом стекле –
Родовые свидетели гордости
Жизни тех, кого нет на земле...
...Но все больше рецептов с таблетками
На кухонном уютном столе,
Проступает старенье отметками
На когда-то прекрасном челе.
И становится горько пронзительно
От сознанья конечности лет,
От того, как щемяще-разительно
Изменился родной силуэт.
Иерархия, прежде бесспорная,
Разлетелась, распалась в куски...
Изменяется точка опорная:
Мы – не дети. Они – старики...

* * *

Он болеет. И она болеет.
И никто друг друга не жалеет.
Разошлись на разные орбиты
И сидят — обижены, сердиты.
Пьют глинтвейн, портвейн или таблетки,
Заперев себя в незримой клетке.
Веселятся деланно, натужно,
А ведь им одно, по сути, нужно:
Чтоб другой, далекий, – не болел.
Чтоб приехал. Чтобы пожалел.

ДОРОЖНАЯ

Кофе из стаканчика отдает пластмассою,
Чередой сменяются лица и авто...
Километром тысячным, неизвестной трассою,
Что-то привело меня, но не помню – что.
Ночь была бессонною, только фары встречные,
И двоилась белая, между, полоса.
Шин следы продольные, мысли – поперечные,
Из радиостанции смутны голоса.
Ехала и думала – а куда я, собственно?
Ждет лишь дверь закрытая, да остывший дом,
Некому и встретить так, чтоб с душой да родственно,
Впрочем, это – выбор мой, стоит ли о том?
Руки согреваются жидкостью горячею,
На заправке утренней сонно и тепло,
Я сижу Кассандрою, глупою, незрячею...
Что-то было важное, что-то привело
К километру странному трассой неизвестною,
К месту не случившихся роковых потерь,
Там, где разминулись мы той зарей воскресною,
И уже не встретимся никогда теперь...

* * *

Мой друг, пойдемте в казино!
Там жгут сигары, пьют вино,
Кидают фишки, как в кино,
В сукно!

Ах, нет, давайте в балаган,
Там будет трюков ураган,
Блестит волшебника тюрбан,
Канкан!

Но Вы качнули головой,
И мы пошли по мостовой,
Покрытой золотой листвой.
Домой?..

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

«Извините, но я Вас не знаю!» —
...И крутой поворот головы.
— «Извини...те, я не понимаю,
Значит, стали теперь мы – на Вы?»
Значит, не было тех листопадов,
Тех снежков и падений в сугроб,
Поцелуев в фонтанных каскадах
На прощание – в губы и в лоб?
Не рвались телефонные нервы
От ночных безответных звонков,
Я – не первая, знаю. Вы – первый,
Кто забрал все ключи от замков
И сменил, чтобы я не вернулась
По знакомым лишь нам адресам...
Я с Тобою случайно столкнулась,
Чтобы к разным сбежать полюсам...

* * *

Я бы, может, вам рассказала,
Где бывала и как жила,
Уезжала с каких вокзалов
И кому пироги пекла,
Сколько путалась, ошибалась,
Расшибалась и в кровь, и вкось,
Как отчаявшись — оживала,
Как свою выправляла ось,
Всю погнутую о невзгоды,
Об удары недобрых глаз,
Как сквозь боль приручала годы,
Как навстречу любви неслась,
И как было любви той мало
Недолюбленному, ему...
Я бы, может, вам рассказала...
Только вам это все — к чему?

* * *

Прованский дом, стокгольмский дворик —
Как много в мире милых мест...
Так отчего ж щемяще горек
Родной исписанный подъезд?
Не то, что в горных деревеньках,
Не то, где стрит и авеню,
Но все щербинки на ступеньках
Я бережно в себе храню,
И накупив вдали подарков,
По сумкам распихав с трудом,
Приметы чьей-то жизни яркой
Вношу, чтоб свой украсить дом...

СТРАННЫЕ ИГРЫ

Плечо замерзло от стены.
Я битый час сушу ботинки,
Листаю старые картинки...
Давно б уж высохнуть должны?
А ты с усмешкой из угла
Глядишь и подливаешь чаю.
Старательно не замечаю,
Хотя заметить бы могла.
Сидим. Шуршит за стенкой мышь
Забытой старою газетой,
Я жду какого-то ответа,
А ты по-прежнему молчишь
И улыбаешься хитро,
Как будто ты не замечаешь...
Я не уеду. Ты же знаешь –
Ушло последнее метро...

* * *

Дальний берег с годами – дальше...
Зренье слабнет – не разглядеть,
Позабыла, покрыла фальшью
Все, что совести не стерпеть.
Подменила легко и ловко
Череду из утратных вех:
Через годы пришла сноровка –
Вспоминать только свой успех.
Я – не то, что со мною было,
Я – мозаика из подмен:
Все скребущее позабыла,
От прощения до измен,
От запальчивых криков горьких
До заплаканных ночью глаз...
Вся-то жизнь – как шальные горки,
Оттолкнулась – и понеслась!

УКРАШЕНИЯ

Я когда-то носила браслеты
И тяжелые гроздья серег,
Даже был медальон с амулетом
(Правда, он от потерь не сберег),
Кольца с синим морским перламутром
В чаше матового серебра –
Словно облако в небе под утро,
Что растает за миг до утра...
Я меняла кулоны и платья,
И, смеясь, расставалась легко,
Если в чьих-то горячих объятьях
Ускользало кольцо далеко...

...Я когда-то звенела-шумела,
Прыскал гранями солнца металл,
А потом... Все сняла. Потускнела.
Мир суровым и пасмурным стал.
Эти пальцы забыли о кольцах,
Звон сережек не слышен давно,
И браслет в бубенцах-колокольцах
Опустился в шкатулке на дно.
Ни к чему, видно, мне украшенья,
Разучилась я этой игре.
Разве можно найти утешенье
В этой женской смешной мишуре?

Продолжение на стр. 3

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

Окончание. Начало на стр. 2

ЛАДА БАЛАМУТ
ГУЛ НОЧНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕК

Размышляя о вечном и мудром,
Разбираю запасы добра.
Надеваю кольцо с перламутром...
Вспышка! – Море. За миг до утра...

ПАУКИ

Предположим, в 7 остывает солнце.
Предположим, в 8 приходишь ты.
Ты приносишь мятые три червонца.
Я вставляю в вазу их, как цветы.
Вечер скорбен наш, незатейлив ужин,
Суп наш жидок, и остывает чай,
Мы не помним, кто и кому тут нужен,
Просто как-то встретились невзначай
И потом сто лет невзначай прожили,
Утром – кофе, а по выходным – в кино,
Мы черты лица своего забыли
И лица напротив – давным-давно,
Нам вдвоем не холодно – нам привычно:
Жизнь под нас продавлена, как диван.
Все у нас нормально и безразлично,
Пусть безлично, но – без тревог и ран,
Друг сквозь друга мы прорастаем тенью
И проходим мягко, не зацепив,
Так врастают высохшие растенья,
Или так сплетается звук в мотив,
Незаметно, тихо, неощутимо
Мы с тобой, как старые пауки,
Заплели- закутались паутиной,
Чтобы не рассыпаться на куски,
Чтоб не резал глаз яркий свет в оконце,
Чтоб размеренно и без суеты
Точно знать, что в 7 остывает солнце.
Точно знать, что в 8 приходишь ты.

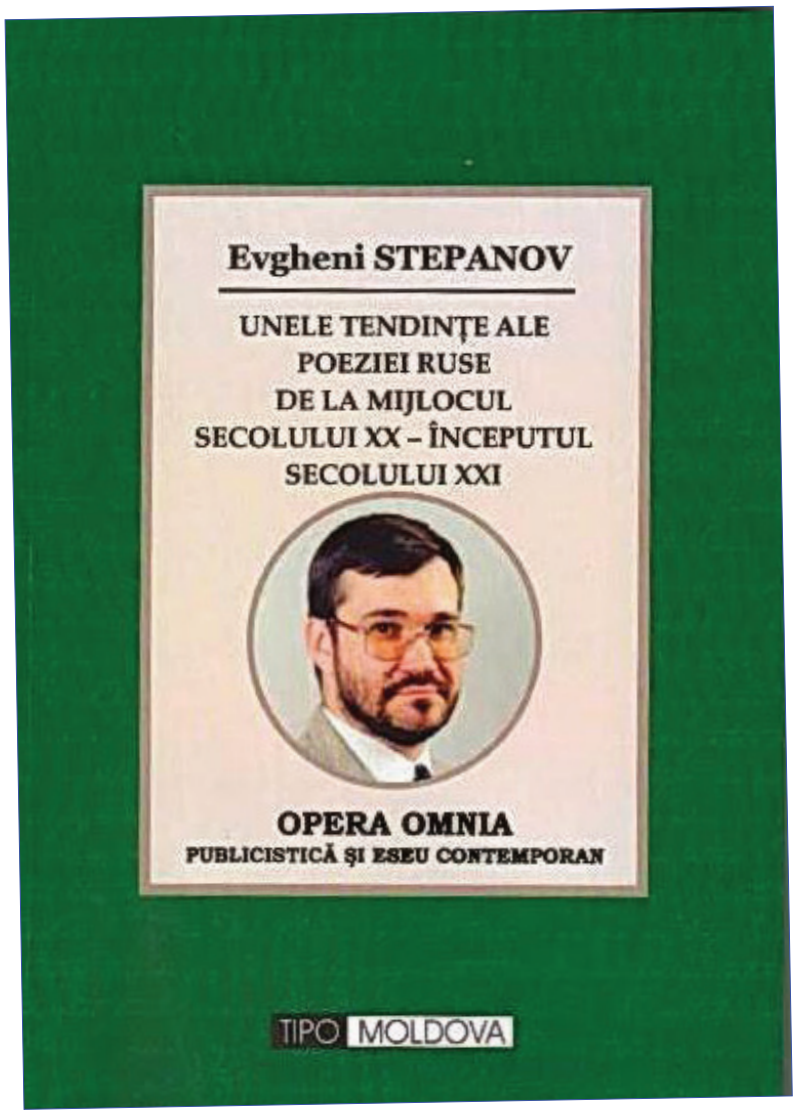
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Входи. Ну что ты мнешься на пороге?
В ногах нет правды (впрочем, нет нигде).
Устал, продрог, оголодал с дороги?
Там где-то есть сухое — на гвозде...
Поведай мне, что видел в дальних странах,
Как там живут, что пьют и что едят?
Но, погоди, ты стал каким-то странным –
Не то лицо, и отрешенный взгляд
Блуждает по родным когда-то стенам
И, кажется, совсем не узнает...
Я вижу, что не рад ты переменам?
Что все теперь чужое, не твое?
Садись, поешь. Поговорим позднее.
Устал бродить? А я устала ждать
И каждый раз, надеяться не смея,
На стук чужой в ночи к дверям бежать.
И каждый вечер накрывать на ужин,
Чужих к столу радушно приглашать
И думать: Боже, да кому он нужен!
И вновь на стук в ночи к дверям бежать...
Неловкое движение рукою...
Как от ожога, дернулась спина —
Прости, меня ты помнишь не такою —
Я слишком долго прожила одна
За нас двоих. За годы этих странствий,
За календарь с крестами, как погост,
За непересечение в пространстве!
Давай же выпьем? — Превосходный тост!

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПОЭТОГРАДА

Евгений Степанов
Монография на румынском

В издательстве Ясского университета «Tipo Moldova» (Румыния) вышла монография Евгения Степанова «Некоторые тенденции развития современной русской поэзии середины XX — начала XXI веков» на румынском языке. Это фундаментальная работа, посвященная тенденциям поэтического искусства в России. За свои литературоведческие труды Евгений Степанов удостоен звания лауреата ведущей российской литературной премии им. А. Дельвига. Перевод выполнил известный поэт и литературовед Лео Бутнару.



В книге — статьи о современной поэзии, посвященные моностиху, дистиху, терцету, катрену, пятистишию, восьмистишиям, сонету, визуальной поэзии, частушке, верлибру, палиндрому, футуристической и заумной поэзии, эпиграмме, пародии, видеопоэзии, лингвогобеленам, листовертням, танкеткам, цифровой поэзии, twitter-поэзии, современной и несовременной рифме, метафоре, метаметафоре, метаболе, анжанбеману, анафоре. Книга будет интересна и профессионалам, и любителям поэзии.

Автор — лауреат крупнейшей отечественной премии им. Антона Дельвига

ЭССЕ ПОЭТОГРАДА

В ПОИСКАХ ЛОГОСА

Держа в уме крылатое изречение Тютчева «мысль изреченная есть ложь» и вооруженный борхесовской настойчивостью исследователя, я отправился на поиски Слова. Логоса, как говорили древние греки, для которых Логос, как ни парадоксально, находился в философской иерархии гораздо выше Зевса и прочих олимпийцев. Непонимание современными людьми Логоса – прекрасная иллюстрация к эволюции человека: то, что для древних было единым и монолитным, со временем раздробилось на ряд более мелких понятий. Речь наша стала точнее описывать внешний и внутренний мир человека, однако там, где нужно идти от подробного к универсальному и всеобщему, мы утратили ключи для понимания Единого, разъяв его, подобно ребенку, который, разобрав сложную игрушку, не может потом собрать ее заново. Теперь мы с вами находимся в положении Лао-Цзы, который исписал множество страниц, пытаясь объяснить Дао, но так и не смог этого сделать: не хватило возможностей современного ему китайского языка. В этом заключается парадокс: чем больше слов в языке, тем сложнее объяснить какие-то очень простые вещи! Но, если одну и ту же мысль попытаться выразить разными словами, шанс «поймать» вечно ускользающий от нас сокровенный смысл увеличивается. На это, очевидно, и рассчитывал мудрый Лао-Цзы. И, надо сказать, это очень действенный метод.

На английский перевод фрагментов Гераклита я набрел, можно сказать, случайно, в поисках неизвестных его изречений, возможно, найденных в последние десятилетия и еще не переведенных на русский язык. Меня поразило звучание древнегреческого философа на английском. Некоторые его фрагменты достигали на этом языке такой степени мощи, глубины и ясности, что вначале я немножко опешил. В свое время я скупил практически все дореволюционные издания Гераклита на русском языке, начиная с версий князя Сергея Трубецкого, друга Цветаевой Владимира Нилендера и автора «Досократиков» Маковельского и внимательно их изучил. То есть был знаком с предметом не понаслышке. Настолько, что, наверное, перевел бы эти фрагменты даже с китайского. Работа над переводом наглядно высветила для меня сравнительные особенности русского и английского языков. Английский язык емче и конкретнее, зато русский – богаче оттенками и мелодичнее. И я понял, что английский текст был дан мне, может быть, для того, чтобы понять, прочувствовать, проинтуичить, что же такое этот загадочный древнегреческий Логос. И я начал переводить Гераклита Тёмного (Heraclitus the Obscure). Отмечу, что Кэтлин Фриман, автор англоязычной версии, а, может быть, и кто-то другой (поди, разберись, ху есть ху, в этом Интернете!) скомпилировали фрагменты Гераклита таким образом, что это стало напоминать пространные выдержки из его утерянной книги «О природе». Сделано было все, чтобы облегчить читателю путь к осознанию Логоса. Надо заметить, что американцы Америки здесь не открыли: первый опыт такой поэтической компиляции был произведен еще в 1919 неспокойном году классиком русской литературы Алексеем Ремизовым, человеком, как ни странно, весьма далеким от философии. Его тоненькая книжка, изданная в революционном Петербурге, называлась «Электрон». Ремизов облек избранные афоризмы Гераклита в форму верлибра, находясь, очевидно, под влиянием модных тогда «Александрийских песен» Михаила Кузмина.

Конечно, в отношении Гераклита Тёмного, от большого произведения которого остались только фразы и обрывки фраз, не важно, насколько «дословен» перевод: мало того, что Гераклит часто пользовался многозначными словами, так еще и некоторые фрагменты дошли до нас оборванными на полуслове, и различные толкователи вынуждены были их домысливать, «достраивать». Здесь я впервые применил свое парадоксальное открытие: задача переводчика состоит не в том, чтобы копировать оригинал, а в том, чтобы попытаться его... улучшить. Если ты не чувствуешь в себе внутренней силы это сделать, лучше не браться. Надо помнить, что переводчик – не столько писатель, сколько интерпретатор (interpreter) и даже «транслятор» (translator).

ФРАГМЕНТЫ ГЕРАКЛИТА ЭФЕССКОГО

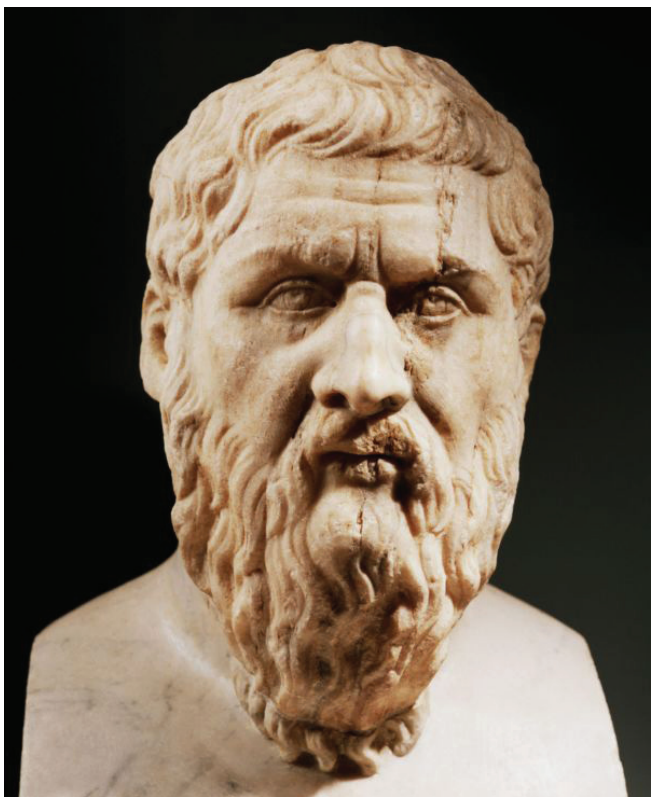
Гордыня – величайшая помеха развитию души. Скромность – лучшая помощница, и мудрость заключается в том, чтобы говорить правду и поступать в соответствии со своей сущностью, будучи предельно внимательным к самому себе.

В Едином сливаются верх и низ, подобно тому, как начало и конец смыкаются в окружности круга. То, что конфликтует между собой, так же взаимосвязано друг с другом: различающиеся друг от друга вещи таят в себе зародыш самой прекрасной гармонии!

Эта упорядоченная (подчиняющаяся космическому закону) Вселенная, одинаковая для всех, не была создана ни богами, ни человеком, но всегда была, есть и будет вечно живым Огнем, попеременно вспыхивающим и затухающим. Вселенная то взрывается, расширяясь, то снова всасывается вовнутрь, до тех пор, пока ее Источник бессмертен, подобно Солнцу, которое никогда не заходит. Кто может спрятаться от того, что никогда не заходит? Вечный Ум в человеке непреходящ.

Не слушай меня – прислушайся к Логосу в себе. Когда ты это сделаешь, ты согласишься, что все есть Одно.

Лучшие люди предпочитают знать Одно прежде всего прочего; это – знаменитое Вечное в смертных людях. Но большинство людей самодовольны, подобно хорошо откормленному скоту. Они пируют в грязи; подобно ослам, они предпочитают золоту – солому.



Сколь долго бы ты ни путешествовал внутри себя, ни истоков, ни устья души своей ты не найдешь: столь глубоко спрятан ее Логос. Но я искал Его – и нашел внутри самого себя. Это спрятанное Единство находится по ту сторону видимого мира. Все люди наделены способностью самопознания: душа обладает Логосом внутри себя, и вы можете узнать о Нем, когда душа заговорит. То, что внутри нас остается одним и тем же вечно: оно одно и то же в жизни и смерти, бодрствовании и спячке, юном и пожилом возрасте; Логос стал этим миром, и мир должен будет в него вернуться.

Без Логоса справедливейшая вселенная была бы просто кучей космической пыли, разбросанной как попало. Если говорить разумно, мы должны основывать наше бытие на том, что является общим для всех. Поскольку Логос, который управляет человеком, рожден Единым, которое Божественно. Божественное управляет Вселенной при помощи своей воли, и этого более чем достаточно для всех и каждого.

Несмотря на то, что люди неотделимы от Логоса, они все еще разделены в Нем; и, хотя они наблюдают Его ежедневно, они все равно отчуждены от Него.

Некоторые люди, считающие себя мудрыми, рассматривают как реальность только видимость, внешний вид вещей. Но эти костюмеры лжи получат по заслугам.

Жизнь всех людей управляется Логосом, одним для всех; тем не менее, несмотря на то, что Логос всеобщ и универсален, большинство людей живут так, как если бы Он являлся их личным достоянием.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Если бы кто-то сказал мне, что я, не зная древнегреческого, стану переводить античные тексты с английского, я бы не поверил такому дикому предположению и посчитал бы этого человека сумасшедшим. Но все произошло само собой: читая афоризмы Гераклита, я мысленно начал переводить их, и мне показалось, что я могу найти более точные слова, чем те, которые я вычитывал у своих предшественников. И, конечно, я никогда не взялся бы за такой опосредованный перевод, если бы тексты не были мне хорошо знакомы.

Мне посчастливилось-таки расшифровать это загадочное понятие Логоса. Под Логосом древние греки подразумевали космический закон над нами и внутри нас. Этот закон можно было бы назвать Насущной Речью. Вот почему часто говорят, что Логос – это Слово. Любой Закон можно произнести вслух! Это пророческая Речь, но смысл ее не обращен в будущее, как это обычно бывает у пророков. Логос охватывает и прошедшее, и настоящее, и будущее. Насущная Речь обычно заключена в символы. Например, изречение Гераклита «утомительно одним и тем же бегунам все время лидировать» символически соответствует библейскому «последние станут первыми». Изречения, ставшие символами, никогда не устаревают. Все, что не преходяще, есть символ. Бог есть Верховный Начертатель Символов.

Александр КАРПЕНКО

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг» – WWW.LITLAVKA.RU

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства. Доставка по Москве в течение 1 дня!

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ

КАК ВОЗНИК ЖУРНАЛ «ЗИНЗИВЕР»

В давние славные времена мы с моим другом, поэтом Юрой Милорава (фамилия не склоняется!) часто ездили в гости к нашему ближайшему питерскому товарищу Арсену Мирзаеву, который не только замечательный поэт, редактор и литературовед, но и невероятно гостеприимный человек и прекрасный кулинар. Мы приезжали с Юрой, нахально устраивались у Арсена (он жил тогда один в центре города в роскошной трехкомнатной квартире!) и начинали все втроем разговаривать о литературе. Ну что может быть лучше?! А еще Арсен нас прекрасно кормил. Отварная картошечка со сливочным маслом и соевым соусом, селедочка, бастурма, всевозможная зелень, водочка... Стол ломился от яств. Уезжать от гостеприимного Арсена в неуютную Москву, в свою холодную холостяцкую квартиру на Есенинском бульваре я совсем не хотел. И вот я искал способа, как бы почаще приезжать к хлебосольному Арсену. И нашел такой хитрый способ. Я (начинающий тогда издатель) предложил Арсену и его друзьям (тоже поэтам) выпускать петербургский литературный журнал — в надежде, что мы с Юрой Милорава будем чаще ездить в Питер, разговаривать о литературе и поглощать различные арсеновы яства.

Арсен (он человек наивный и добрый!) повелся на эту идею, не подозревая о моих коварных планах, и тут же придумал название для нового журнала — «Блок». Мне название понравилось, но я все-таки (наверное, как всегда из вредности) предложил свое — «Зинзивер». Арсен Мирзаев подумал и почему-то согласился. Так и стал выходить журнал «Зинизвер». И выходит уже 13 лет.

КАК ВОЗНИК ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

С 1992 по 1996 годы я регулярно летал в Нью-Йорк. Жил я там в Манхэттене, у одной прекрасной дамы, с которой у нас были весьма непростые отношения. Мы и любили друг друга, и частенько ссорились. Когда мы ругались, я уезжал на Брайтон-Бич, к своим добрым знакомым — знаменитому в узких кругах поэту Косте Кузьминскому (царство ему небесное!) и его жене Эмме (которую Костя любовно называл «Мышь»).

И вот мы радостно болтали втроем о литературе, бизнесе, выпивали, закусывали, я сурово заставлял хмельного Кузьминского работать над его масштабной поэмой «Девочка из Днепропетровска», надеясь, что опубликую хотя бы фрагменты из нее в Москве, мы строили грандиозные планы на будущее, мечтали, как широко будет известна эта поэма в России и т. д.

В общем, мы, конечно, дружили. Я даже донашивал за Костей его старые вещи — пальто, свитера, какие-то другие шмотки. Однажды Кузьминский, который признательно называл меня «першепубликатором», на одной из своих самиздатовских книжечек торжественно написал: «Согласен я с Татьяной Бек: Степанов Женя — человек!». (Автограф у меня сохранился.)

...Вернувшись в Москву, я понес по редакциям верстку огроменной поэмы Кузьминского (это двухтомная книженция!). И везде мне стали отказывать. Не формат; слишком много эротики; слишком много лишних слов; чрезмерный объем; специфическая верстка и т. д. Отказался печатать скандальную поэму даже мой давний приятель Толик, издатель эротической газеты «Мистер Икс».

Ну что делать? Как помочь товарищу? Я ведь обещал Кузьминскому, что помогу напечатать его проклятую поэму (точнее — фрагменты из нее). А время шло. Долг висел надо мной, как дамоклов меч.

И тогда я, как всегда, решил пойти на хитрость — я решил создать свой собственный журнал, исключительно чтобы сдержать слово. То есть цель была одна — напечатать поэму Кузьминского, выполнить обещание и спокойно продолжать свою обычную жизнь.

А тут как раз подвернулся удобный случай. Мы с группой московских писателей (разумеется, Юра Милорава, а также Саша Давыдов, Андрей Тавров, Маша Бондаренко) поехали в Саратов, на фестиваль «Поэтические пояса России», который организовал поэт Игорь Алексеев (царство ему небесное). И там я коварно уговорил двух местных доверчивых поэтов-предпринимателей (Эллу Бурдавицыну и Андрея Сокульского) издавать новый ежемесячный литературный журнал. И почему-то эти замечательные ребята мне поверили. Срочно было придумано название «Дети Ра» (Ра — древнее название Волги), я (уже в Москве) дал задание своему сотруднику Андрюше Глазову отсканировать поэму Кузьминского (в электроном виде ее, кажется, не сохранилось).

Андрюша сканировал поэму три месяца, проделал огромную работу. Я собрал некоторое количество других материалов. И вскоре первый номер журнала «Дети Ра» вышел. Наполовину он был заполнен злосчастной поэмой Кузьминского... Но что-то из поэмы в номер все-таки не вошло — самые откровенные эротические (даже порнографические) пассажи. И Косте это решительно не понравилось. Он сильно обиделся на меня. И даже пообещал прислать по мою душу армянских (!) киллеров с Ямайки...

Но я все равно был доволен. Потому что сдержал (пусть и не быстро!) свое купеческое слово — сделал то, что обещал. Издал. А в с ю поэму я в самом деле напечатать не мог. Да и не обещал этого.

Я уже думал и вовсе закрывать «Дети Ра», но журнал, как ни странно, оказался востребован. В день я стал получать как редактор по 100-150 стихотворных рукописей. Я понял, что поэтам негде печататься, что им нужна моя помощь. И решил не закрывать журнал. А в этом году ему исполнилось 13 лет.

РЕДАКТОРСКОЕ ЧУТЬЕ (ИЗ СЕРИИ «ИЗДАТЕЛЬСКИЕ БУДНИ»)

Знакомый поэт пишет мне письмо: «Посылаю Вам стихи. Надеюсь на Ваше редакторское чутье и публикацию...»

Получается так: если у меня есть редакторское чутье, то я напечатаю этого поэта. Если редакторского чутья нет, то не напечатаю.

На мой взгляд, это давление на редактора.

Я на подобные письма, как правило, не отвечаю.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ

С моими учениками на ПЛК намедни переводили сонеты Шекспира. Потом учились писать стихи на английском, французском языках. Все у моих учеников получается. Гениальные дети, не устаю ими восхищаться. И сам у них учусь — больше, чем они у меня.

РЕКЛАМА

Союз писателей XXI века

Союз писателей XXI века — новая современная писательская организация, идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ своего ВЕКА!

Союз писателей XXI века создан в феврале 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Вице-президент — поэт и культуролог Арсен Аркадьевич Мелитонян.

Председатель ревизионной комиссии — Игорь Александрович Харичев.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», «Знание-сила. Фантастика», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», создает передачи для телеканала «Диалог», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет пожертвований и членских взносов.

КАК ВСТУПИТЬ?

Для того, чтобы вступить в Союз писателей XXI века, нужно направить заявление в Президиум, образцы творчества, заполнить анкету (см. сайт www.writer21.ru).

В течение одного месяца Вам будет дан ответ.

КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Вступительный взнос составляет 5 тысяч рублей (для граждан РФ) и 200 евро (для резидентов зарубежных стран). Ежегодный взнос составляет 1000 рублей (для граждан РФ) и 50 евро (для резидентов зарубежных стран).

Для жителей СНГ вступительный взнос — 150 евро, ежегодный — 50 евро.

Вступительные взносы будут потрачены на создание каждому члену Союза писателей XXI века персональной WEB-страницы.

КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА?

Члены Союза писателей XXI века имеют право публиковаться в изданиях Союза (не реже одного раз в год), участвовать во всех мероприятиях СП, в том числе — в Гостиной СП XXI века, которая проходит в ЦДЛ.

ЭЛ. АДРЕС ПРЕЗИДИУМА: GLAZOV_A.A@MAIL.RU

ПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТОГРАДА

НОВАЯ КНИГА КАТИ РУБИНОЙ

16 мая в галерейном центре «Артефакт» (Пречистенка, д. 30/2) состоялась презентация книги известного драматурга, прозаика и художницы Кати Рубиной «Фейсбучные байки» (М.: «Вест-Консалтинг», 2016).

Катя прочитала рассказы из книги, устроила перформанс, примерив на себя разные сценические костюмы.

Говоря о «Фейсбучных байках», издатель книги, кандидат филологических наук Евгений Степанов подчеркнул: «Проза Кати Рубиной уходит корнями в ОБЭРИУ, писательница наследует традициям, прежде всего, Даниила Хармса. Но, вместе с тем, ее рассказы абсолютно самостоятельны и современны. Это очень жизненный сюрреализм. Сюрреализм нашего времени».

Иосиф БЫКОВСКИЙ

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

ЛЕОНИД СКЛЯДНЕВ
НАТАША
(АПОЛОГИЯ ОТЪЕЗДА)

Бывает, в памяти храним мы имя – луч света в мутном сумраке времен, эпиграф к неизвестному роману, не читанному, кроме нас, никем, написанному нами на скрижалях полузабытой жизни кровью чувств.

Пропасть прошлого – семидесятые годы двадцатого века. Лето, стройотряд МГУ. Что-то строят они. И к ним приезжает Наташа. Она представитель газеты, она о них будет «давать матерьял». И, конечно, вокруг нее сразу – жеребячье скаканье. А Иван не скакал, потому что – высоко Иван ставил любовь, недосягаемо ни для какого скаканья. И Наташа, Наташа с тех пор как-то зауважала Ивана.

Нет, а что? Нет, ну вы согласитесь, если может себя человек (даже больше, давайте-ка, скажем – мужчина) за косицу напудренного парика, или просто впиваясь мучительно пальцами в череп, приподнять над скаканьем, хоть и, в общем-то, и не взаправду, а в манящей и жгучей мечте приподнять над скаканьем – он снискал уважение, этот мужчина. Понятно, не сволочи всякой снискал уваженье. Но уж наше-то с вами снискал уваженье! И Наташино тоже снискал уваженье. И Иван говорил по душе ей... И Наташа Ивану оставила адрес. Этот адрес остался в Ивановой жизни некой величиной неизменной, некой такой постоянной, по которой Иван проверял состоянье пространства – пригодность пространства для существованья в последнем.

И, конечно, Иван к ней зашел. А им было немного за двадцать тем летом. И в Наташиной комнате сидели они, говорили… Разговор-то, конечно, был так – чушь собачья: про поэму с названием диким («Лес виселиц», что ли), которую вроде бы Ваня писать собирался. Да ведь все это было неважно, неважно. У порога открытой балконной двери лежала московская теплая черная ночь, и дышала та ночь ароматами раннего лета. Совсем еще раннего – древо познанья едва зацвело, но плодов еще не было, нет, даже завязей не завязалось. И хотя аромат тех чудесных цветов волновал и был как бы воздухом Эроса – но не плотью его, но не плотью. Неясный ласковый поток омывал их наивные души, но они избегали

нервного тока прикосновений. Хорошо было им! Взявшись за руки, легким шагом гуляли они по Эдемскому саду и не ведали вовсе, что наги.

Но нечто впорхнуло в чертоги их райских гуляний, нечто золотоволосое, с кожей нежности непредставимой, нечто, в приступе благоволенья – но ре-едко! – нисходящее с неба в обьятья Ивана – его Первая Любовь, его Иродиада, вымогающая страшные клятвы. Так с Наташей друг другу они стали лгать про любовь, так они научились делать вид, будто бы ничего не случилось и – представьте! – дошли до того уж, что стали дру-зья-ми.

А время валило куда-то в провалы бесследных мучительных будней. И, конечно, оно увлекало с собою и Ваню. Но в этом всеобщем теченье вдруг открылось Ивану, что он не подвластен совсем притяженью земному. В этом мутном потоке он почуял противные общим стремлениям струи. И вот – даже и не сомневайтесь! – начинались уже эти самые ссоры с любовью и с миром, начинались стихи – умирали надежды.

Поздний-поздний октябрь пировал по столице, а над тесным Ивановым кругом сгущалися тучи – наблюдал уж за ними внимательный кто-то. Подозрений проклятье висело, и, подогретая страхом, у каждого в горле булькала эта, с удушающим запахом серы, грязь чудовищного обвиненья: «Стукач!» О, пора стукачей и подполий! Ты била жестоко – грязной тряпкой по нашим нетрезвым мордасам.

На распутье немыслимой жизни, погрязший в долгах и бездомный, Ваня летел – вместе с желтыми листьями, вместе с мусором улиц осенних – летел прямо в бездну, подгоняемый бешеным-бешеным ветром. И опять повстречал он Наташу. И увлек ее вместе с собою, и, за руки взявшись, решили они погулять – как когда-то! – по Эдемскому саду. Но в Эдемском саду догорала багряная осень, и на древе познанья уже не осталось плодов, ибо сами они и вкусили от них. И вот, им открылось, что наги они, и пораженные этим открытьем, они понимали, что мало уже им их прежних, тех их беззаботных гуляний. Горе жаждет ведь бездн, ему уютно в омуте – лишь бы поглубже, лишь бы с головой. Итак, взявшись за руки, шли они по… Ах, да нет, вовсе не по Эдемскому саду, ибо с этакой мутью смятенья в душе уж какой им Эдемский-то сад – шли они, взявшись за руки, мокрым Лефортовским парком, как Ева с Адамом, дорогою вечной изгнанья.

Логово – жил там лабух Валерка и Ивана (спасибо ему!) приютил – пристанище многих случайных любовей, беззубо осклабившись черною дверью, впустило их молча. О, в этом провале разрухи, разврата и пьянства – в провале разрухи! –

Окончание на стр. 7

Окончание. Начало на стр. 6

ЛЕОНИД СКЛЯДНЕВ
НАТАША
(АПОЛОГИЯ ОТЪЕЗДА)

рождался бессвязный и радостный бред запоздалых признаний. Ибо Ваня – он вечный влюбленный во всех, кого ему вовсе любить невозможно, и теперь эта нежность, что копилась для многих и многих любовей – тебе лишь, Наташа. В провале разрухи – миров фантастических гибель, рожденье и гибель, смешенье пространств и смещенье понятий. И Ваня скользит без оглядки, без памяти и без сознанья туда, где лиловая, нежная-нежная тень чуть темнит ягодиц розоватых отроги, и где аромат лепестков темно-розовых, влажных солоноватой скупой, но чарующей, влагой, лелеет меж ними алеющий пестик и манит, и манит коснуться его языком и забыться, забыться, забыться, в пальцах обезумевших горячих держа ягодиц драгоценные чаши…

Они не услышали, как скрежетнул ключ в замке. Лабух Валерка, матерясь и куражась, в логово вплыл. Вспыхнул свет, уличая Наташу с Иваном. Вот такая нелепость. О как нас казнит «неудобно»! Уродует просто и по миру после пускает – с такою-то раной в душе! – собирать подаянье. Но ведь это еще без ноги, или там без руки подадут. Ну, а с раной в душе – кто подаст?

Снова их разметало по жизни. Наташа осталась в Москве, а Ивана по российским немеряным далям погнал неприкаянный ветер.

Но, чудом выплыв из омута периферии, он все же вернулся к Наташе из непреодолимой разлуки. И стоял перед дверью, и под пальцем звонок дребезжал, в позвонках отдаваяся нервною дрожью. Она сразу же заговорила, быстро-быстро, как бы возмущаясь и оправдываясь одновременно – что-то все пустяки: «Ах, Иван, да ты вовсе и не изменился… Я, ты знаешь, ждала… Нет, ей-Богу, предчувствие было…» Что-то все пустяки. А Иван растерялся и, не зная совсем, что ответить, протянул коньяка ей бутылку, что мудро купил по дороге.

И осенняя ночь улеглась на балконе и дышала в лицо перегаром сжигаемых листьев. Ночной Вавилон, весь в трепещущем нервном сиянье, громоздился пред ними на семи пресловутых холмах. И Наташа воркует своим низким, ворожащим таким воркованьем. Вот уже засветился коньяк. Вот он вспыхнул внутри темно-желтым огнем. Колдовство началось, ток касаний, струясь, пробирается к пальцам. И они шевелятся незримо и прядут, и прядут. Вот уста разомкнулись – полотно разговора, его ловчая сеть повисает в ночи. Хорошо бы еще коньяку. Что ж, еще коньяку… Хорошо бы вот так говорить, говорить, и чтоб пальцы тянулись, и не было света, а только слова и слова: тихие жалобы – страстные просьбы.

Ах, о чем мы? Да так, ни о чем. Как и всякий роман без развязки. Может, все же наступит развязка? Если так ворковать о любви и при этом глотать потихоньку коньяк, то, пожалуй, наступит развязка. Но такая развязка бывает в романах простых и банальных. А в хороших романах – хорошо их читать, но не жить! – да, в хороших романах бывают одни лишь завязки. Их никто не развяжет, потому что в хороших романах всегда не хватает – мгновенья.

«Так о чем мы, Наташа? А-а, "как жизнь?"» И, взмывая в парах коньяка на карнизы пронзительной мысли и окинув в мгновение ока пронзительным взором все пространство бескрайнее жизни, Иван поразился вопросу «как жизнь?» и пропел в философском раздумье: «Да ведь, друг мой…. Ведь жизни не хватит, чтоб жизнь рассказать». – «Боже мой, как ты все усложняешь! Расскажи что-нибудь…» Что-нибудь? А Ивана уже накрывал с головой этот низкий угрюмый тяжелый звон заволжского бреда. Это все, все об опыте горя горчайшем, об аскезе его – о долине смиренья, что каждую зиму, немотствуя, мучит Ивана над закованной в белое Волгой. О маме – о маме! – о том, как убийственно – как безысходно! – коченеет в реанимационной палате отекшее желтое тело под неоновым мертвенным светом, и тогда понимаешь, насколько далек ты от чуда. О казни молитвы – когда ночь напролет на коленях в дерзновенном стяжании чуда отмаливал маму у смерти. И о муке мучительской непониманья: «Объяснить ничего никому невозможно-о!» И о горьких любовях, каких-то не равных любови любовях. И о пропахших портвешком и мочой подворотнях самарских, из которых Ивану ну н-некуда деться. И все это, все – об опыте горя горчайшем, об аскезе его, о долине смиренья, что долгую зиму, немотствуя, мучит Ивана ночами над закованной в белое Волгой… Это все, разумеется, были стихи, что читал он Наташе.

«Да-а, несчастный ты, Ванька», – и голос Наташин дрожал, этот низкий воркующий голос. И в темных красивых глазах засветились святые пречистые слезы, ибо жалость для женщины – это святое. И рука прикоснулась – так нервно и нежно! – и погладила Ванину руку. И тут бы умолкнуть Ивану, и тут бы ему согласиться с Наташей: мол, да, мол, чего уж – несчастный. И дать пожалеть себя – пусть, наконец бы, насытилась эта его ненасытная нежность. И дать, наконец-то, свершиться развязке. Но Иван был накрыт с головой этим низким угрюмым тяжелым звоном бреда заволжского, и не жалость он хотел пробудить. Нет, не жалость. А хотел он себе самому и «ИМ ВСЕМ» доказать, что так именно – муторно, страшно, нелепо – жить и надо, что это – Христово, а все остальное прейдет, претворится во тьму непроглядную вечную, в скрежет зубовный. И руку отдернул: «Да нет же, Наташа!» Она испугалась: «Да, Ванечка, что ты! Успокойся – устроится все. Ведь не может же быть, всю жизнь чтобы – тьма эта…» – «Так должно быть, Наташа. По словам моим так и должно быть», – эхом мира загробного ей отозвался Иван. «Да что это за фатализм! «По слова-ам… Ведь пишут же люди и с этого даже живут», – махнула рукою Наташа. Но он перебил ее: «Ах, Наташа, да слово – оно разве денег стоит? Оно – жизни стоит. Послушай, Наташа, да с этого разве – живут?! Да с этого в омут куда-нибудь только, в смертельный какой-нибудь самый запой! Головой, головой – да с размаху об стенку! Во-от, что истинно есть гонорар. Во-от, что мзда от людей-то за слово. И, скажи мне, в каких палестинах видали пророка, чтоб лоснился от тука земного? Вот Христос – с точки зрения мира, ведь Он провалился. Он распят. Вот мзда-то Ему от людей. По словам Его все и случилось. А ты хочешь, Наташа, чтобы мои слова были неправдой? Чтобы лгал я, ты хочешь?!» – «Ах, Ваня, но ведь это совсем не искусство – то, о чем говоришь ты. Где же дионисийство, игра? Нет, Голгофа, Голгофа от тебя заслоняет весь мир. Если слушать тебя, так вся жизнь – это ложь. Так не то, что писать – так и жить-то нельзя…» – «Да ведь жить и нельзя». – «Но, однако, живешь ты. Работаешь даже. Выходит, что тоже ты лжешь?» – «Так, как я, не живут. Нет, Наташа, не жизнь это – тягота, что мучит меня раздвоеньем. Выползать ежедневно из подполья души в монотонное рабство работы, в пытку жалоб и жалости, в непонимания ужас мычащий… Доколе?! Ты права, да, я лгу этой жизнью – двоящейся жизнью. Но я говорю вам: "Различайте во лжи!" Потому что есть ложь – вся из тука земного – спокойная, сытая и на ощупь приятная ложь. А есть ложь – зверство жалости вся, вся – из боли. Этой лжи, уж поверь мне, не всякая правда правее. Это – ложь Конца Света, когда все уже так перепутано и перепачкано в мире, что и правда уже невозможна. Только болью и прав человек, только болью. То есть, ты понимаешь, Наташа, насколько невыносимо и больно жить человеку, настолько он прав перед Богом, настолько Христос он». – «Но, Иван, все ты хочешь загнать человека в подполье души, хочешь жалостью, болью измучить. Но, послушай, искусство – полет…» – «Это так. Но полет-то – за грани обрюзгшего мира! Слушай, я говорю о поэте. Быть поэтом – не вирши слагать. Это – жить ТАК!» – «Как?» – «А как я. Посмотри на меня – вот, я чистый поэт, небывалый. Без примеси вовсе какой-нибудь там деловитости низкой. Прозрачный – без мути обрюзгшего мира. Не подвластный совсем притяженью земному. И с миром от века я квит. Ибо если пишу я даже малую-малую строчку, прорываясь за грани обрюзгшего мира, значит, что-то обрушилось в жизни моей, что-то хрустнуло больно в душе, что-то лопнуло в сердце. Так плачу я за каждую строчку. То, что стоит так дорого, лгать уж не может, Наташа. Вот оно и выходит, что по словам моим мне и воздастся». – «Нет, постой-ка, Иван… Все равно… Нет, я чувствую, что-то не так в этой правде твоей, или лжи, называй их как хочешь, но что-то не так в них. Так не делают люди, как ты, – не играют судьбой. Ты играешь судьбой, как игрушкой, и игра твоя страшная очень, недобрая очень. Ты смотришь в глаза нам, ты не просишь помочь – вообще ничего ты не просишь, а просто ты смотришь в глаза нам и говоришь несуразную страшную правду. И еще, улыбаясь зловеще, ты говоришь, что тебе по словам и воздастся. Так молчи же, безумный! Возьми же назад их скорее, слова, и иди, извинись перед Богом. И с судьбой не играй. Ибо это – чужая игрушка. Это – Божья игрушка». – «Нет, Наташа… Вернее, о как же права ты, Наташа… Но я… Я поэт. По словам моим мне и воздастся. А впрочем, прости ты меня за весь этот бред откровений. Не надо было, не надо…»

И умолкли. Эта тихая горечь разбудила дремавшую нежность, и было так сладко молчать в полумраке, где только и тлела настольная лампа под бордовым большим абажуром. Так молчали, и будто бы снова шли они, взявшись за руки, темным Лефортовским парком навстречу развязке. Вот они потянулись друг к другу, и Ваня привстал, чтоб поближе подсесть… Но нога подвернулась, и коврик поехал по скользкому полу, и вместо того, чтоб привстать, он неловко свалился с дивана прямо в ноги Наташе и ударился больно виском об угол тяжелого книжного шкафа. А Наташины руки нелепо тянулись к пустоте, что была лишь недавно его силуэтом. «Ты ударился?» – «Нет, ничего. Так, немного».

И висело молчанье, тяжелея мгновеньями муки и многих несказанных слов.

«Да-а… Ну что ж… Уже поздно. Я постелила тебе… на диване».

«А-а? Ну да… Да, конечно… Счастливых нам снов».

А еще ведь так много хотелось рассказать о себе, о любви, о стихах и о страхах, что стучатся в окошко и травят там, в глуши, над замерзшей немеющей Волгой! Так много хотелось говорить «по душам», чтоб слеза щекотала ладони… Наташа!!

«Да-а… Ну, что же… Счастливых нам снов».

В темной комнате – глухо. В темной комнате – блики запоздалых такси исчезают в провалах теней. На столе догорает коньяк. Коньяка еще четверть бутылки. «Слава Богу, – подумал Иван. – Догорай, виноградная грусть, рядом с сердцем моим, там, внутри».

А лишь тронуло утро верхушки дерев, он прокрался к дверям и скатился по лестницам – прочь, наружу, в октябрьское желтое утро!

* * *

Он уехал … Да какое «уехал»! Сбежал, улизнул из столицы : этак, горе свое в кулачок, чтоб не видел никто – добежать до дверей, а уж там разреветься. Сбежал – в подворотни самарские, мочой и кислятиной всякой на вечные веки пропахшие, в эти споры ночные, в парах портвешка полоумье – все какие-то пролегомены, в ту смертную, смертную скуку, в эту тоску разделенного мира, что царила в его желтом доме. Напали родители: «Пил там? Сознайся, ведь пил ведь!..» И опять, немотою давясь, он орал себе в самую душу: «Объяснить никому ничего невозможно-о!»

Ну, что?.. Как-то зажил там. Женился. Да, представьте себе – женился. Как будто бы все – ничего. Нечеловечьим каким-то усильем. Каким-то порывом не от мира сего. Как будто не казнило проклятие прошлого – желтое тело в реанимационной палате. Как будто – не пытала тоска разделенного мира, не выли бессонницы белые волки ночами над закованной в белое Волгой. Как будто – не зиял за спиною провал. Домашняя девушка. Но ведь уют-то – сколько тяжести в нем неподъемной! Сколько хищного зверского «я»! Да и не хотела идти она замуж за Ваню: это что же – самой головою в провал?! И прямо из ЗАГСа, из этой конторы-то писчей, когда подавали они заявление-то о женитьбе, ушла. И Ваня – нечеловечьим каким-то усильем – перебежав через площадь, покрытую кашей холодной весеннего талого снега, поймал и намертво этак вцепился ей в локоть. Потащил. И так это было тогда – все длилось и длилось – какие-то долгие-долгие миги. И так вот всю жизнь остальную потом – он бежал через площадь, оскользаясь на мартовском льду, и холодная талая жижа проникала в ботинки все выше и выше – до самого сердца. Это длилось и длилось какие-то долгие-долгие миги – всю жизнь. Всю жизнь как-то этак – вцепившись ей в локоть. И вроде уже надоело и надо бы бросить, и все уж по белому черным – эта пропасть неверья и непониманья. Ан, нет же!.. А что? А не так ли – отчаиваясь, оскользаясь, но все этак – вцепившись ей в локоть, Господь наш любил Иудею?

Но как-то там сжился Иван с самарскою глушью – упивался уж ею, как дрянным портвешком. И все глубже и глубже в провалы осенних запутанных будней.

Ну, и грянула там перестройка, и повылезало из дыр… Огляделся – какой отвратительный фарс! А ведь непригодно пространство для жизни – нет Наташи. Не будет Наташи. Подхватился и со скарбом нехитрым, с сынулей и этак, вцепившись ей в локоть, подался… В какие-то там палестины, которые вовсе и не палестины. Подался, зараженный смертельно эпилепсией той расставанья, что до гроба так и будет стоять пред глазами…

Да куда же? Зачем же? А просто… А странники мы, понимаешь…

И тут опять срываюсь я на крик:
«Живут же люди – с них и взятки гладки!»
А мне – в эпилептическом припадке
Весь искорежен, расставанья миг.
И кажется, Сам Бог не все постиг
Еще в творимом Им миропорядке.

Все душераздирающее – речи.
У милых лиц – гримасы боли резче,
Безумнее и горше – взмахи рук.
Орет «Разлуку» хрипло черный кречет,
И ложным обещаньем скорой встречи
Я целование – Иудино?! – дарю.

Ну, вот и все. Застыв в дверях вокзала,
Прости мне, Русь, что сердце вдруг устало
Переживать твой черно-алый бред.
За тщетный бег от бесконечных бед
Прости и знай, что лучше мне не стало:
Какая боль уж только не пытала,
Какой вины на мне уж только нет.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

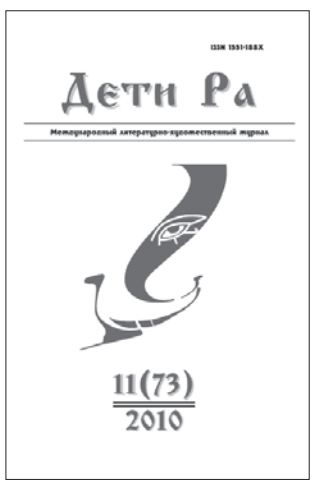
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Владимир Новиков, Виктор Соснора, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru, http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Анна Баринова
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)